

Маркевич Болеслав Михайлович

**Полное собрание сочинений Б.М.
Маркевича**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Полное собрание сочинений Б.М. Маркевича: Том 10 / Маркевич Болеслав Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 289 с.

ISBN 978-5-519-95440-2

ISBN 978-5-519-95440-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Б Е З Д Н А.

Б Е З Д Н А.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

C'est moins l'amitié qui assemble les gens d'aujourd'hui que la sympathie des haines communes.

G. Droz.

I.

...Car les destins et les flots sont changeants.

Béranger.

Часу въ одиннадцатомъ утра, свѣтлымъ, теплымъ днемъ, въ половинѣ мая, старая дребезжавшая, очевидно извозицья коляска вкатилась подъ въѣздныя ворота давно знакомаго нашему читателю Сипцаго *). Все тотъ же грубо отесанный левъ разѣввалъ надъ ними свою каменную пасть, но на позолоченной мѣдной доскѣ, на которую опирались его лапы, вмѣсто бывшаго историческаго герба князей Пастуновыхъ, красовались теперь двѣ вычурно переплетенныя главные буквы имени теперешняго его владѣльца: П. и С. За то прежняя чугунная *дрекольемъ* рѣшетка замѣнена была новою, не отличающеюся особеннымъ вкусомъ, но блестящею такою же позолотой по изгибамъ и выпуклостямъ фантастическаго своего рисунка. Выступавшій за нею массивный домъ, съ его пи-

*) См. *Четверть Вѣка Назадъ*. Глава II.

рокимъ, опиравшимся на тяжелыя колонны балкономъ и висячими галлереями, соединявшими его съ длинными параллелограммами стоявшихъ о-бокъ его флигелей, блестяли подъ солнцемъ, словно только-что вымытые, въ своей свѣжей съ глянцевитымъ отливомъ свѣтло-сѣрой краскѣ. Прежніе каменные сплошныя парапеты галлерей замѣнены были рѣшетками одного рисунка съ рѣшеткой льва, и надъ каждымъ изъ пересѣкавшихъ ихъ поставовъ сѣроватаго мрамора возносилась высѣченная изъ такого же мрамора ваза полная цвѣтовъ. Ярko горѣвшій невысокій куполь съ крестомъ виднѣлся на правомъ флигелѣ, надъ церковью, которую устроила покойная княгиня Аглая Константиновна Шастунова въ память дочери, на мѣстѣ той самой залы бывшаго театра, гдѣ нѣкогда княжна Лина, въ образѣ Офеліи, промелькнула на мигъ задучею звѣздой... Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ стремился очевидно обратить мѣсто своего жительства въ нѣкую царскую резиденцію.

Но этотъ возобновленный видъ старой барской усадьбы вызвалъ далеко не отвѣчавшее ожиданіямъ ея новаго владѣльца впечатлѣніе на молодую, замѣчательно красивую барыню въ щегольскомъ *costume de voyage*, съ опущенною до рта синею вуалеткой и въ маленькой круглой шляпѣ, сидѣвшую въ коляскѣ рядомъ со скромною, но тоже не безъ извѣстнаго щегольства одѣтою дѣвочкой лѣтъ шестнадцати, горничною своею. Барыня возвращалась изъ Италіи, и на глаза ея, привыкшіе къ чудесамъ тамошняго искусства, все это золото и глянецъ отзывались крайнею безвкусицей.

— Купецъ такъ и виденъ! презрительно уронила она сквозь зубы.

Спутница ея, будто очень обрадованная, одобрительно закивала головой и засмѣялась нѣмымъ смѣхомъ, широко раскрывая свои алые губы.

Коляска между тѣмъ, обогнувъ большую раскинутую посередь двора клумбу, усаженную сплошь кустами высаженныхъ изъ оранжереи розъ въ цвѣту, подкатила на двухъ тонкихъ извоищичьихъ клячахъ къ подъѣзду дома.

На грохотъ ея выбѣжалъ изъ-за большихъ стеклянныхъ

дверей, ведшихъ въ сѣни, молодой парень, остриженный въ скобку, въ безукоризненно чистой бѣлой рубахѣ, подпоясанной краснымъ снуркомъ надъ пестрядевыми панталонками, всунутыми въ сапоги.

— Европейскія претензіи—и прислуга изъ трактира! пронесла какъ бы про себя опять, но совершенно громко пріѣзжая дама, насмѣшливо окидывая его чуть-чуть прижмурившимися глазами.—Провѣ Ефремовичъ дома? спросила она.

— Въ поля, съ часъ времени будетъ, выѣхали... А вамъ что требуется, сударыня?

— *Требуется* прежде всего, чтобы ты зналъ, что надо высаживать дамъ, когда онѣ дѣлаютъ честь пріѣзжать къ твоему господину, отрѣзала она ему въ отвѣтъ, приподымаясь въ коляскѣ:—не учили тебя, видно, этому?

Оторопѣлый малый бросился, вскинувъ руки вверхъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подхватить ее подъ мышки.

Но она быстрымъ скачкомъ выпрыгнула сама мимо этихъ рукъ на гладкія плиты широкой площадки подѣзда.

Горничная ея, также быстро соскочивъ съ другой стороны, подбѣжала къ ней, глядя лукаво смѣющимися глазами на оторопѣвшую фигуру парня въ бѣлой рубахѣ.

— Когда-жъ онъ пріѣдетъ *изъ полей*? подчеркнула барыня.

— Это вы, то-и-сь, насчетъ хозяина спрашиваете? Такъ этакъ я не могу знать, проговорилъ онъ, встряхиваясь,—потому они какъ случится, иной разъ къ обѣду, а то и...

Она нетерпѣливо перебила его:

— Да что у васъ никого толковѣе тебя нѣтъ въ дѣмѣ?

— Никандра Панкратычъ, ключникъ, у насъ есть, окромя другихъ прочихъ, торопливо отвѣтилъ онъ,—а какъ если милость ваша прикажете, такъ я могу къ Евгенію Владиміровичу сею минутой *избѣгать*.

— Евгеній Владиміровичъ? повторила она:—это господи́нь Зяблинъ, то-есть... Онъ еще живъ?

И она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Въ полномъ здравіи находятся, видимо уже ободренный отвѣтилъ парень, проводя верхомъ руки по губамъ съ тѣмъ, чтобы прикрыть слагающуюся на нихъ такую же улыбку. —

Да вотъ-съ они и сами идутъ, примолвилъ онъ уже шепоткомъ, кивая въ сторону одного изъ флигелей на выходившаго оттуда, еще моложавого издали глядя, но видимо тяжело опирававшегося на твердую бамбуковую трость господина въ изящно скроенномъ лѣтнемъ костюмѣ перловаго цвѣта, легкомъ голубенькомъ галстучкѣ и широкополой панамѣ, защищавшей отъ лучей солнца его примигивавшіе глаза и коротко остриженную голову.

Это былъ Зяблинъ, напѣ старый другъ Зяблинъ, разочарованный „бригантъ“ пятидесятихъ годовъ, безподобный „Eugène“ бывшей владѣлицы Синкаго, — попрежнему изящный, все такъ же строго послушный послѣдней модной картинкѣ и нынѣ, не смотря на подагру, катарръ желудка и прочія невзгоды его семидесятилѣтняго возраста.

Изъ оконъ помѣщенія, занимаемаго имъ въ этомъ флигелѣ, онъ увидѣлъ пріѣзжую, узналъ ее и спѣшилъ теперь къ ней, — спѣшилъ, несказанно изумленный и озадаченный этимъ ея пріѣздомъ, не зная, чѣмъ будетъ отвѣчать на чаемые имъ „неизбѣжные“ съ ея стороны вопросы, но чувствуя присущимъ ему чутьемъ благовоспитаннаго *по-старому* человѣка, что „нельзя же такъ оставить даму на подѣздѣ“...

— Madame... какой неожиданный сюрпризъ! залепеталъ онъ, скидывая съ головы еще по пути шляпу и слабо шаркая плохо уже повиновавшимися ему ногами.

— Здравствуйте, monsieur Зяблинъ!.. Вы, кажется, удивляетесь, что я пріѣхала? нѣсколько высокомернымъ тономъ спросила она тутъ же.

Зяблинъ мгновенно оробѣлъ:

— Помилуйте, я, напротивъ, могу сказать, tout à fait enchanté, madame... Но вы такъ нечаянно, не предваривъ... Мы съ Провомъ Ефремовичемъ никакъ не ожидали...

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Вы съ нимъ думали; можетъ быть, что я навсегда сбѣжала?

Старый „бригантъ“ окончательно растерялся.

— Mon Dieu, madame, можете-ли вы полагать!.. вскрикнулъ онъ, шаркая опять и прижимая руку къ сердцу.

— Что же я однако стою здѣсь! перебила она дальнѣйшее изліяніе его протеста:—мои комнаты внизу, надѣюсь, никѣмъ не заняты?

— Никѣмъ, помилуйте... Мы здѣсь въ домѣ одни съ Провомъ Ефремовичемъ... Вы желаете тамъ... остановиться? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ уже, тотчасъ же и подмѣченнымъ ею, колебаніемъ.

Брови красивой барыни сдвинулись мгновеннымъ и гнѣвнымъ движеніемъ:

— А гдѣ же по-вашему можетъ „остановиться“ *хозяйка*, въско подчеркнула она,—какъ не въ своемъ покоѣ?

— Mais certainement, madame, certainement, весь изогнулся онъ любезнымъ поклономъ, разсудивъ мысленно совершенно правильно, что пока другъ его Провъ Ефремовичъ „не разсудитъ иначе“, онъ, Зяблинъ, не въ правѣ видѣть въ его женѣ „другое чтѣ, какъ именно *хозяйку*“. Онъ притомъ же „un gentilhomme“, а она—дама, слѣдовательно...

— Я на тотъ предметъ только говорю, поспѣшилъ онъ заявить,—что будетъ-ли вамъ тамъ покойно... Вы насъ не предварили, и вашъ appartement, какъ я полагаю, находится въ совершенно неприбранномъ видѣ, запертъ наглухо, какъ изволите видѣть,—и онъ указалъ старчески дрожавшею уже рукой на длинный рядъ оконъ нижняго этажа по лѣвой сторонѣ крыльца, наглухо дѣйствительно закрытыхъ внутренними ставнями,—съ вашего отъѣзда за границу въ такомъ видѣ... не открывали. Провѣтрить, полагаю, прежде всего надо...

— Такъ распорядитесь, я устала!

Зяблина видимо покорило отъ этого тона. Онъ пріосанился, взглянулъ на нее какъ бы съ удивленіемъ и, обращаясь къ малому въ бѣлой рубахѣ, стоявшему все такъ же съ недоумѣлымъ видомъ на крыльцѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ:

— Сбѣгай скорѣе, любезный, проговорилъ онъ съ достоинствомъ,—за Никандромъ Панкратевичемъ, скажи, что супруга Прова Ефремовича изволила пріѣхать и желаетъ...

Но въ то же время, выходя изъ сѣней, появился самъ

Никандръ, высокій и здоровый, со свѣжимъ и серьезнымъ лицомъ, человѣкъ лѣтъ сорока съ чѣмъ-то, въ такой же русской рубахѣ на *выпускѣ* и высокихъ сапогахъ, подпоясанный утыканнымъ мѣдными головками ремнемъ, къ которому, соответственно занимаемой имъ въ домѣ должности, подвѣшена была цѣлая связка ключей.

— Супруга Прова Ефремовича, повторилъ отчеканивая Зяблинъ,—желаютъ занять свои комнаты.

Ключникъ съ величавою почтительностью повелъ головой внизъ и проговорилъ спокойно:

— Пожалуйте, сударыня!..

— Dites moi, je vous prie qu'est-ce que tous ces половые que je trouve ici? спросила досадливо Антонина Дмитриевна, взглянувъ на старца, пріятеля ея супруга.

„Бригантъ“ опустилъ глаза въ землю и чуть-чуть шевельнулъ плечами: „половые“ самому ему претили давно; „эти волосы въ скобку, смазныя голенища, косые ворота въ этомъ старомъ княжьемъ гнѣздѣ,—профанація“!.. говорилъ онъ себѣ мысленно не разъ.

— Пожалуйте! повторилъ ключникъ, отворяя во всю ширину стеклянную дверь въ сѣни.

Варя (читатель, надѣмся, узналъ въ горничной г-жи Сусальцевой нѣмую дѣвочку, съ которою онъ имѣлъ случай встрѣтиться въ началѣ нашего разсказа) притронулась слегка пальцами къ рукѣ своей госпожи, глядя ей въ глаза и беззвучно шевеля губами.

Антонина Дмитриевна поняла.

— Съ нами одинъ чемоданъ, сказала она ключнику;— велите его внести ко мнѣ, а за сундуками пошлите сейчасъ подводу на станцію, чтобъ они непременно были здѣсь къ вечеру.

Варя, быстро прижавъ два пальца лѣвой руки, подняла вверхъ три остальные вмѣстѣ съ пятью пальцами правой.

— Восемь мѣстъ всего, объяснила барыня, между тѣмъ какъ нѣмая проворно вытаскивала изъ кармана портмоне, а изъ него багажный билетъ и передавала его Никандру.

— Слушаю, пошлемъ-съ, промолвилъ тотъ съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ:—пожалуйте!

Полный *аппартаментъ* въ нижнемъ этажѣ, состоявшій изъ пяти комнатъ, — большой гостиной, кабинета, будуара, спальни, туалетной съ мраморною ванной и комнаты для горничной, — уготованный Провомъ Ефремовичемъ для молодой супруги и въ которомъ была она лишь нѣсколько дней предъ вѣнчаніемъ и отъѣздомъ своимъ за границу, оставался наглухо запертымъ съ самой минуты этого отъѣзда. Раза два лишь въ годъ рачительный ключникъ входилъ въ него съ однимъ изъ *молодцовъ*, состоявшихъ слугами въ домѣ, и приказывалъ выколотить мебель и смести пыль съ пола, чехловъ и холста, прикрывавшаго обитыя шелкомъ и дорогимъ французскимъ кретономъ стѣны гостиной и будуара, — выбирая всегда для этого время, когда „хозяйинъ“ уѣзжалъ изъ Сипкаго. Самъ Профъ Ефремовичъ, проходя большими стѣнами мимо наружныхъ, запертыхъ и укрѣпленныхъ теперь широкимъ поперечнымъ желѣзнымъ болтомъ съ большимъ висячимъ на немъ замкомъ дверей, какъ-то невольно каждый разъ отворачивался и морщился...

— Чтѣ же это, изъ моихъ комнатъ кладовую сдѣлали? сердито вскрикнула Антонина Дмитріевна, остановившись предъ этими незнакомыми ей еще, обитыми крупными головками гвоздей, дверями.

— На всякъ случай, сударыня, объяснилъ своимъ спокойнымъ тономъ Никандръ, выбирая ключъ изъ своей связки и поднося его къ замку, — потому какъ у насъ во всемъ нижнемъ этажѣ никто не помѣщается...

Двери съ визгомъ заржавѣвшихъ петель и лязгомъ желѣза о желѣзо отворились настежь.

На пріѣзжихъ пахнуло какъ изъ погребѣ сырымъ и затхлымъ запахомъ... Антонина Дмитріевна брезгливо откинула голову назадъ. Бдучи сюда, она готовилась „пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ“, но этого перваго, *физическаго* впечатлѣнія она не ожидала, — и оно показалось ей какъ-то особенно тяжелымъ.

Ключникъ спѣшилъ между тѣмъ отворять оконныя ставни.

— Да и окна скорѣе, вскрикнула она,—тутъ задохнуться можно!...

Теплый воздухъ и солнечный свѣтъ ворвались разомъ, словно торжествующее войско на валъ непріятельской крѣпости, въ глубокій до этой минуты мракъ просторной комнаты.

Хозяйка ея какъ бы въ изнеможеніи опустилась на стоявшее посреди гостиной *pâté*, обводя унылымъ взоромъ кругомъ.

Стѣны, мебель, золотыя рамы блестящихъ зеркалъ, художественныя очертанія *булевыхъ* шкафиковъ и столовъ съ флорентійскою мозаикой—все исчезало подъ однообразнымъ, „мертвящимъ“, казалось ей, покровомъ желтовато-сѣраго холста и грубой кисеи; съ консолей и этажерокъ убраны были знакомыя и любезныя ей груды фарфора и бронзы; полъ безъ ковра рѣзалъ глаза неприглядностью кое-гдѣ разщелившихся досокъ своихъ... Чѣмъ-то мертвящимъ, дѣйствительно, вѣяло отъ этого запустѣнія. „Я его не предварила, конечно,“ проносилось въ головѣ молодой женщины; „но тогда онъ, можетъ быть, уѣхалъ бы нарочно, чтобы не встрѣтиться со мною, а теперь *je suis maîtresse de la place*,“ сказала она себѣ тутъ же, и что-то въ родѣ усмѣшки пробѣжало на мигъ по ея озабоченному лицу.

Зяблинъ, войдя вслѣдъ за нею въ комнаты, стоялъ съ панамой своею и палкой въ рукѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и слегка покачивалъ головой, какъ бы угадывая ея ощущенія и слагая съ себя и съ пріятеля своего отвѣтственность за нихъ: мы-молъ вѣдь, вы понимаете, не могли святымъ духомъ знать, что вамъ вздумается пріѣхать.

Варя тѣмъ временемъ успѣла скользнуть въ слѣдующія за гостиной комнаты и возвратиться оттуда. Подбѣжавъ къ барынѣ, она, съ видимымъ неудовольствіемъ въ чертахъ, быстро зашевелила губами и пальцами.

— У меня въ туалетной воды нѣтъ въ кранахъ, обратилась съ новою досадою Сусальцева къ ключнику.

— Накачаемъ сейчасъ, коротко отрѣзалъ онъ, проходя далѣе въ будуаръ открывать ставни и окна.

— Да велите скорѣй внести мой чемоданъ, я переодѣться